

ПРАВОСОЗНАНИЕ КРЕСТЬЯН ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ СТОЛЫПИНСКИХ АГРАРНЫХ РЕФОРМ

М. Д. Карпачёв

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2012 г.

Аннотация: в статье анализируются причины и условия доминирования так называемого обычного права в повседневной жизни воронежского крестьянства в начале XX столетия. Дается оценка изменения правовой ситуации в воронежской деревне под воздействием новых экономических и культурных факторов. Определяются причины падения авторитета обычая в правовом регулировании крестьянской жизни.

Ключевые слова: обычное право, воронежское крестьянство, аграрные реформы, начало XX века.

Abstract: the article investigates the reasons and conditions of the leading role of traditional law in the life of the peasantry of the Voronezh region at the beginning of the 20th Century. The author analyses the changes in jurisdictional situation in the Voronezh villages on the eve of agrarian reforms. The article shows the decline of traditions in the peasants' life before the Russian revolutions.

Key words: traditional law, peasantry of the Voronezh region, agrarian reforms, beginning of the 20th Century.

Среди причин проведения столыпинского аграрного курса важнейшей было стремление к радикальному изменению правовой ситуации, сложившейся в российской деревне к началу XX столетия. Массовые волнения крестьянства ряда губерний Европейской России, вылившиеся в погромы сотен помещичьих усадеб, свидетельствовали о том, что ухудшение морально-политического климата в деревне стало представлять огромную опасность для дальнейших судеб империи. Между тем расшатывание устоев правопорядка в среде сельского населения нарастало в течение нескольких десятилетий.

Крестьянские реформы 1860-х гг., уничтожившие крепостнические отношения, оставили самое массовое сословие России в особом правовом пространстве. Крестьяне, объединенные в сельские общества, обособлялись от прочих социальных слоев. В общинах сохранялись сословные учреждения самоуправления, порядок совершения которого определялся традицией. Сельскому сходу и сельскому старосте принадлежали даже определенные судебные функции (особенно при рассмотрении проступков, связанных с исполнением мирских повинностей). Но все же основным юридическим регулятором крестьянской жизни являлся волостной суд. Глава третья второго раздела «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» гласила, что в пределах волости крестьяне должны были из своей среды ежегодно избирать суд в коли-

честве от четырех до двенадцати судей. Избранным в состав такого суда крестьянам необходимо было ведать «как споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам»¹.

Следует обратить внимание на то, что по внешним признакам волостной суд был самым демократическим учреждением. Самодержавное правительство демонстрировало доверие к здравому смыслу народа, полагая, что режим самоуправления сможет стать достойной заменой исчезавшей крепостнической опеке дворянства. Инициаторы преобразований, конечно, хорошо понимали, что волостные судьи не могли руководствоваться в своей деятельности нормами писаного закона, для этого им не хватало ни общей грамотности, ни традиций гражданского поведения. Расчет был, естественно, только на силу крестьянского обычая, на сложившиеся в крестьянском сословии нормы морали и стереотипы поведения.

Долгое время в высших сферах Российской империи держалось убеждение в том, что сохранение специфических форм крестьянского самоуправления, включая волостной суд, надежно служит общественному спокойствию и безопасности государства. Известные основания для такой уверенности у коронной власти были. Крестьянские общинные институты на протяжении столетий являлись важнейшей опорой самодержавного режима. Всем своим строем крестьянская семья, а вместе с ней и община воспроизводили на уровне народной жизни модель авторитарного государственного строя с неограниченным правителем во главе. Естественная забота о стабильности государственного устройства побуждала верховную власть к сохранению сословной обособленности многомиллионного российского крестьянства и после отмены крепостного права.

Однако в правящих сферах было немало противников правовой самобытности «свободных сельских обывателей». Уже во время подготовки к освобождению от крепостной зависимости ряд деятелей Редакционных комиссий настаивал на формально-правовой последовательности при проведении крестьянской эмансипации. По мнению В. А. Черкасского, главным ориентиром при устройстве сельского населения преобразующейся России должно было стать свободное общество равноправных собственников, чего, естественно, не допускало сохранение общины. «Мы смеем думать, – писал он в 1856 г., – что, с дальнейшим развитием гражданственности, умножением народонаселения и возвышением поземельной ценности, наши сельские общества, сохранив лишь общинное управление, покинут сами собою эту первообразную, несовершенную форму владения поземельного и путем естественного развития дойдут до более или менее общего приложения понятия о частной собственности»².

В. А. Черкасский и его единомышленники полагали, что общинные отношения являлись преградой развитию гражданственности в среде русского народа. Без права частной собственности на землю не могло быть

¹ Российское законодательство X–XX веков. М., 1989. Т. 7. С. 57.

² Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901. Т. 1. Кн. 1. Приложения. С. 27.

и подлинного правосознания. Однако в среде деятелей, принимавших участие в разработке реформы, такая точка зрения была достоянием меньшинства; общинный строй крестьянской жизни охранители самодержавия продолжали рассматривать как залог народного спокойствия.

И все же те круги высшей бюрократии, которые демонстрировали заинтересованность в продолжении курса на либеральную модернизацию России, неизменно настаивали на несовместимости общины с цивилизованным развитием страны. В начале 1870-х гг. министр государственных имуществ П. А. Валуев, возглавлявший специально созданную комиссию для изучения обострившихся проблем сельского хозяйства России, весьма скептически оценивал возможности общин в условиях начавшегося обновления страны. На заседании комиссии отмечалось, что общинное землевладение «по единогласному почти отзыву всех выслушанных в комиссии лиц и собранных ею письменных заявлений составляет одно из главных препятствий успешному развитию хозяйства в среде крестьянского населения»³. Напомним, что П. А. Валуев был автором проекта изменения государственного строя России в конституционном духе, составленного им еще в 1863 г. под прямым впечатлением от отмены крепостного состояния.

На несоответствие общинного строя принятому правительством курсу и духу реформ указывал и всесильный одно время шеф III Отделения П. А. Шувалов. После отмены крепостного права прошло десять лет, рассуждал он в беседе с видным публицистом В. П. Мещерским, и «очень пора устроить более европейский порядок землевладения, при котором была бы мыслима сельскохозяйственная культура и рациональное хозяйство»⁴.

Тем не менее базировавшийся на общине крестьянский правопорядок долгое время рассматривался властью как неизбежный и необходимый компонент общественного благополучия. На это было несколько причин. Прежде всего, стихийный консерватизм крестьянского самоуправления вполне соответствовал традиционализму самодержавного политического строя; ни тот, ни другой не были склонны к восприятию глубоких новаций. Отменив крепостничество, самодержавное государство искало залогов стабильности в народных обычаях и надеялось, что с потерей помещичьего контроля именно общинные порядки и обычное право не дадут освобожденному народу войти в состояние социальной неуправляемости. Как известно, о такой угрозе неизменно предупреждали открытые противники крестьянской эмансипации.

Впрочем, положиться на крестьянские обычаи верховная власть должна была по необходимости. Отмена крепостного права сразу же со всей полнотой обнажила проблему местного управления. Правительство не могло отважиться на индивидуализацию крестьянской жизни (хотя бы

³ См.: Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 84.

⁴ Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 147.

даже очень умеренную) уже потому, что ему просто нечем было заменить уходящую административную и полицейскую власть помещиков. Пойти на существенное увеличение аппарата управления самодержавие не могло; для этого в его распоряжении не было ни финансов, ни подготовленных штатов. Между тем либерализация социальных и экономических отношений всегда и везде требовала существенного развития управленческих структур, включая правовые и правоохранительные. Рост бюрократии неизбежен при переходе общества к отношениям, основанным на частной собственности и на гражданских правах. Напротив, авторитарный режим, как правило, относительно уверенно функционирует при торжестве коллективного начала над индивидуальным. Связанными и обезличенными массами управлять, конечно, проще. Вот почему по насыщенности бюрократического аппарата самодержавная Россия в несколько раз уступала либеральным странам Запада. Впрочем, для содержания разветвленной бюрократии требовались развитая экономическая жизнь и полнокровный бюджет, чем самодержавие, едва освободившееся от крепостничества, похвалиться не могло. Таким образом, община, с ее обычным правом, была для самодержавного государства жизненной необходимостью, во всяком случае, в первые десятилетия пореформенного развития. И она до определенной поры оправдывала расчеты властей.

Ситуация стала быстро ухудшаться к концу XIX в. Быстрый рост крестьянского населения вызвал появление весьма острой и трудно решаемой проблемы относительного аграрного перенаселения. За четыре десятилетия после отмены крепостного права население Воронежской губернии практически удвоилось; к 1905 г. оно достигло 3,5 миллионов человек и продолжало быстро расти. Росло при этом прежде всего сельское население. Его доля в массе всех жителей губернии по-прежнему превышала 90 %. В результате почти вдвое сократился за этот же период и душевой земельный надел (с 4,8 до 2,5 дес. в среднем по губернии). Урожайность же на крестьянских полях по-прежнему оставалась очень невысокой и по главной для крестьян продовольственной культуре (озимой ржи) составляла в среднем около 50 пудов с десятины, практически не изменившись со времени отмены крепостного права.

Конечно, если бы воронежское крестьянство полностью сохраняло общинную неподвижность, столь сильное сокращение душевого земельного обеспечения должно было бы закончиться для него быстрой и тяжелой катастрофой. Катастрофы, однако, не было. Об этом говорят и уже отмеченные выше данные демографической статистики; быстрый прирост населения возможен и при материальной нужде, но при остром недоедании он, конечно, немыслим (хотя бы по чисто физиологическим соображениям). На вызов времени крестьянство обязано было ответить повышением своей мобильности. При этом поиск новых источников материального обеспечения вел к неуклонному и неизбежному ослаблению общинных ограничений. Сильной деформации стало подвергаться и обычное право. Для подвижного и имеющего разносторонние экономические и личные контакты населения его регулирующих возможностей уже не хватало.

Чем же отличалось правосознание воронежского крестьянства на исходе XIX столетия? Прежде всего надо отметить, что абсолютное большинство общинников по-прежнему не обладало элементарными представлениями о законности и о своих гражданских правах. Собственно «законным» крестьяне считали такое решение или такой поступок, которые соответствовали воле ближайшего начальства. Их обезличенная гражданственность, сочетавшаяся с общей малограмотностью, породила суеверный страх перед формальным законом. Писатель-демократ Н. М. Астырев, проработавший три года (с 1881 по 1885 г.) волостным писарем в Воронежском уезде, отмечал в своих очерках, что действительные законы совершенно неизвестны народу, «он знает только один закон – это то, что говорит или приказывает начальство». Свое фактическое неравноправие крестьянство продолжало воспринимать как само собой разумеющееся, причем даже в тех ситуациях, которые никак формальным законом не предусматривались. Характерную зарисовку на этот счет дает тот же Н. М. Астырев:

« – Ты чего, тетеря, не сворачиваешь с дороги? – кричит мой ямщик на встречного мужика с возом.

– Да застрянешь: вишь сугроб какой!

– А не знаешь, ирод, что «по закону» ты должен начальнику дорогу давать?.. Сворачивай, или я тебя кнутом огрею»⁵.

Привычное бесправие народа воспринималось как вполне естественное и многими должностными лицами. Один из уездных начальников мог без стеснения вызвать к 9 часам утра сельского старосту и заставить его ожидать выхода до 10 часов вечера только для того, чтобы выразить свое неудовольствие по поводу того, как некий десятский не дал ему провожатого⁶.

Отождествляя законность с капризной волей начальства, абсолютное большинство крестьян было твердо уверено в том, что за благорасположение властей можно и нужно платить. Подкуп любого должностного лица стал прочным компонентом обычного права; крестьянство воспринимало взятки как дело совершенно неизбежное и даже необходимое. Тот же Н. М. Астырев все три года демонстративно и упорно отказывался принимать подношения за свои писарские функции. Однако это не мешало крестьянам верить, что отдельные его решения непременно проводились за определенную мзду, подчас совершенно ничтожную, вроде 10 фунтов масла, стоимостью 2 р. 50 к. При этом обиды интеллигентного писаря крестьяне абсолютно не понимали⁷. «Страшно сказать, – заключал писатель, – но мне кажется, что заурядный мужик (по крайней мере, в нашей местности) вполне честного человека, которого нельзя купить за тысячи, представить себе не может»⁸.

⁵ Астырев Н. М. В волостных писарях : очерки крестьянского самоуправления. М., 1886. С. 192, 194.

⁶ См.: Там же. С. 150.

⁷ См.: Там же. С. 294.

⁸ Там же. С. 295.

Между тем ужасаться писарю-народнику не стоило. Во-первых, в соответствии с обычным правом народа взятка никогда не считалась преступлением; более того, крестьяне рассматривали ее как полезное средство ускорить и упростить разрешение своего дела⁹. А, во-вторых, возможность поднести «благодарность» расценивалась крестьянами как признак собственной дееспособности. При даче взятки, подмечал Н. М. Астырев, мужик начинал чувствовать себя человеком. Крестьянин как бы показывал, что способен заплатить за хлопоты и доказывал (в том числе и самому себе), что он не бесчувственная скотина, а тоже «понимает». Отказы же писаря принять подношение нередко оскорбляли и унижали крестьян¹⁰. Конечно, столь своеобразный способ самоутверждения характерен для примитивного и при этом отчасти деформированного правосознания. Но он, несомненно, свидетельствовал о том, что начала гражданственности уже подтачивали устои первобытных обычаев.

Острая потребность в более активной хозяйственной деятельности разрушала патриархальную замкнутость общин. Это вело, в частности, и к тому, что обычное право все сильнее попадало под давление формальной законности. В правоотношениях крестьянства возникало состояние противоречивой двойственности. Более молодые или более предприимчивые слои деревни начинали все сильнее ориентироваться на писанные законы, в то же время значительное большинство общинников по-прежнему предпочитало жить «по обычаю». На драматическую коллизию столкновения обычного права с нормами гражданственности обратил внимание и Н. М. Астырев, хорошо постигший особенности функционирования крестьянской юрисдикции. «Волостной суд, – писал он, – представляется мне, выражаясь низким стилем, в образе человека, сидящего на двух стульях, которые постепенно раздвигаются под ним в разные стороны. Стулья эти – закон и обычай»¹¹.

Конечно, крестьяне в массе своей понимали, что официальное законодательство должно иметь приоритет перед обычаями отдельной местности. В то же время общегражданское право продолжало оставаться для них чужим, часто даже враждебным. При всем том сила обычая слабела под натиском новых экономических отношений и новой морали. Все более значительные массы крестьянства к концу XIX в. терпели неудачу в попытках справиться с возникшими проблемами на основе хозяйственных и бытовых традиций. Правительство и общество неожиданно для себя столкнулись с тем, что крестьянская жизнь начала быстро терять обычную стабильность. Внешне это выражалось в том, что связанная круговой порукой и обычным правом община начала все более энергично сопротивляться формальной законности. Помещики Воронежской губернии с тревогой сообщали о том, что крестьяне все чаще грубо нарушают арендные обязательства, отказываются платить за пользование хозяйс-

⁹ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России. СПб., 1999. Т. 2. С. 166.

¹⁰ См.: Астырев Н. М. Указ. соч. С. 151.

¹¹ Там же. С. 191.

твенными угодьями, растаскивают помещичье имущество, особенно соб-
ранный урожай хлебов или сена.

В первые годы XX в. такие правонарушения приняли в губернии массо-
вый характер, что не могло не вызвать тревоги местной администрации.
Стремясь разобраться в причинах столь негативных процессов, вице-гу-
бернатор А. М. Чернов составил летом 1899 г. обширную аналитическую
записку, содержащую весьма любопытную и в целом достоверную ин-
формацию о правовом положении деревни. Большую часть ответствен-
ности за рост беспорядков вице-губернатор не побоялся возложить на
дворянство и на местную администрацию, представители которой безза-
стенчиво ущемляли интересы крестьян, особенно в вопросах пользова-
ния всевозможными угодьями. При этом, замечал А. М. Чернов, некото-
рые помещики, преследуя свои выгоды, настойчиво апеллируют к букве
закона. Такие хозяева ломают сложившиеся обычаи и, «надеясь маску
юриста, они утверждают, что русские гражданские законы, охраняя соб-
ственность землевладельца, дают ему широкое право распоряжения иму-
ществом, и он де может вовсе не сдавать мужикам ни пяди земли, ибо он
хозяин и может делать, что вздумает».

Конечно, размышлял вице-губернатор, с точки зрения формальной за-
конности такие помещики правы. Но с точки зрения сложившихся обыча-
ев – нет. Крестьянин не может понять закона, лишаящего его привычных
источников существования. Тем более, что в чрезвычайных ситуациях
(например, при стихийных бедствиях) помещики как «по обычаю», так и
по закону всегда рассчитывают на безвозмездную крестьянскую помощь.
Таким образом, полагал воронежский чиновник, в разыгравшихся крес-
тьянских протестах явно виден конфликт между обычным крестьянским
правом и формальной законностью господ. Очевидная несправедность пи-
саного закона побуждала крестьян к нарушениям порядка. «Ведь и са-
мая верная и преданная собака укусит хозяина, если он станет вырывать
кость из зуб тогда, когда она голодна, а потому и протестующий мужик
часто бывает невменяем, ибо вынуждается *force major*»¹².

Разумеется, стабильность крестьянской жизни разрушалась под воз-
действием многих факторов. Тем не менее эрозия обычного права была,
несомненно, явлением особенно болезненным для крестьянского созна-
ния. Объективный смысл российской модернизации, начатой реформами
1860-х гг., заключался в создании условий для развития общественной
предприимчивости. Между тем длительный курс на сохранение общины
и обычного права явно противоречил общим принципам проведенных
преобразований. Разная направленность социальной и экономической

¹² Конфиденциальная записка А. М. Чернова хранится в фонде канцелярии
воронежского губернатора Государственного архива Воронежской области (ГАВО.
Ф. 6. Оп. 2. Д. 39). Как документ, содержащий ценную информацию о положении
крестьянства на рубеже веков, она полностью опубликована. Приведенные выше
выдержки даны по изданию: Вице-губернатор А. М. Чернов о положении дерев-
ни на исходе XIX века // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7.
С. 203–206.

политики вела к постепенному, но неуклонному расшатыванию основ крестьянского мировоззрения. Процесс этот, ввиду общей малограмотности и политической неискушенности народа, приобретал болезненные формы и был чреват крупными социальными потрясениями.

Авторитет обычного права падал неизбежно. Но при этом адекватного и скорого замещения гражданственностью не происходило и при сложившихся условиях происходить не могло. В результате быстро возрастала общая неустойчивость социального поведения крестьянства. Прежние ориентиры начали терять свою ценность, особенно в глазах молодых и динамичных поколений. В поведении молодежи все чаще стало проявляться своеволие, нередко даже дерзость. Настоящий шок у людей старшего поколения вызывали случаи ложной божбы, которые начали проявляться в практике волостных судов. Бывали даже случаи отказа истца от взыскания через суд неуплаченного долга, когда ответчик нагло лгал, побожившись, что деньги им уже выплачены¹³. Уверенность в успешном и справедливом разрешении дела по обычному праву быстро терялась.

К началу XX в. стала выявляться еще одна крайне неприглядная сторона общинных порядков. В обычай прочно вошли коллективные выпивки по случаю разрешения практически любых дел, требовавших вмешательства общины и ее институтов. Податливость крестьян на винные угощения приняла такие масштабы, что терялась элементарная предсказуемость даже по очевидным решениям. Наблюдая за такой деградацией правосознания, Н. М. Астырев восклицал: «Я решительно не могу себе представить..., до чего еще может дойти в будущем слабость к водке сельских сходов?... Кажется, дальше идти некуда, ибо и теперь уже делаются невероятные вещи». Коллективистская этика сельского мира втягивала в пьянство даже трезвенников. Разум у крестьян при виде водки, замечал писатель, как бы переставал действовать, и тем в большей степени, чем большее их количество собралось вместе. Желание выпить в компании, «поразнообразить беспшашной гульбой свою вечно серую, будничную жизнь, заговаривает с особою силою, и сход делает невероятные вещи: отдает за бесценок мирскую землю, пропивает чужой стан полос, закабляется в грош на многие годы, обездоливает правую из числа двух спорящих сторон, прощает крупную растрату мошеннику старосте, ссылает невинного односельца на поселение, принимает заведомого вора обратно в общество и т.д. и т.п.»¹⁴.

Распространение пьянства, а вслед за ним и бесконтрольного поведения (нарушающего нормы как гражданских законов, так и обычного права) свидетельствовало об утрате частью крестьянства привычной этики. Затянувшееся переходное состояние порождало все более глубокую деморализацию сельского населения губернии. Поступки, ранее считавшиеся совершенно недопустимыми, теперь приобретали все более широкое распространение. Обычное право, например, допускало самосуд и жестокую

¹³ См.: Астырев Н. М. Указ. соч.

¹⁴ Там же. С. 244–245.

расправу над конокрадами. Лошадью, по понятным причинам, крестьяне дорожили особо, ее потеря была подлинной катастрофой для многих семей. Защитная реакция общины была гораздо суровей гражданского закона. Отмечая эту особенность обычая, уездный исправник Павловского уезда М. И. Булович в одном из своих отчетов сообщал: «При дознании крестьяне заявляли, что все воры, попадающие в руки суда, наказываются очень слабо, а, отбыв такое наказание, они снова принимаются разорять их кражами. Поэтому они, крестьяне, предпочитают избавляться от таковых врагов своим самосудом и будут их убивать»¹⁵.

Современников такое поведение крестьян удивить не могло. Удивляло другое. Насаждение новых ценностей вносило перемены и в давно укоренившуюся практику. Общее отступление традиций проявлялось и в том, что население уезда, жаловался исправник, «очень привыкло пьянствовать на чужой счет и ищет случаев для самосудной расправы с целью заставить такового провинившегося пред ним односельчанина поставить им в виде откупного известное количество водки, доходящее иногда до нескольких ведер»¹⁶.

Наметилась и еще одна крайне опасная и неприятная для властей особенность социального поведения общинников: связанные круговой порукой, они становились очень агрессивными при беспорядках, связанных с расхищением помещичьей собственности. Крестьяне легко усваивали, что «мир» наказать нельзя. Как правило, участниками волнений становились все члены общины, попытки уклониться от неправомерных действий быстро пресекались.

Община и обычное право были институтами не рыночного характера. Поэтому нормально функционировать они могли только в условиях экономики натурального характера. Медленная интеграция крестьянства в сферу рыночных отношений сопровождалась развитием ростовщичества и мироедства или того, что получило название кулачества. Общинное уравнительство не могло остановить естественного стремления части крестьян к материальному успеху, но оно могло его деформировать. Энергия хозяйственного мужика направлялась не на развитие товарного производства, а по преимуществу на поиск источников к богатству в сфере обращения, чаще всего путем заключения кабальных сделок. С точки зрения обычного права кулачество не противоречило общинным принципам, поскольку оно не нарушало уравнительного распределения земельных угодий. Больше того, состоятельные кулаки становились все более влиятельными регуляторами внутриобщинных отношений, пусть корыстолюбивыми, но все же необходимыми хранителями материальных ресурсов, на которые мог рассчитывать любой односельчанин в стесненных обстоятельствах.

Конечно, кулаки грели руки на крестьянской нужде. Но они и выручали в самый трудный момент. Поэтому общинники снисходительно смот-

¹⁵ ГАВО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 170. Л. 28–29.

¹⁶ Там же.

рели на стяжательство кулаков. Мироеды фактически контролировали хозяйственную жизнь деревни. «Но меня всегда удивляло, – вспоминал Н. М. Астырев, – это крайне добродушное отношение мира к своим паразитам. Явной злобы или вражды к Парфенам (такое собирательное имя писатель дал кулакам своей местности. – М. К.) мне никогда не приходилось подмечать; бывали случаи, когда Парфены принуждены были уступать перед дружным натиском мира, но лишь только спорный вопрос сходит со сцены, как Парфены опять вступают в свою роль диктаторов, ничуть не смущаясь временным поражением, а строгимы овцы, частью одобрительно, частью с завистью смотрят на парфеновы эксперименты с мирским имуществом». В крестьянских сожалениях «большой частью слышалось лишь сожаление, что «очистил» Парфен, а не он; злобы же на Парфена за «очистку» не чувствовалось...»¹⁷.

За сентенциями Н. М. Астырева стояло косвенное признание того непреложного обстоятельства, что вторжение коммерческого расчета в жизнь деревни быстро ускорило после отмены крепостного права. Но в условиях господства общины торжество этого расчета вело к развитию кулачества, точно так же, как при частной подворной собственности на землю оно вело к развитию мелкого товарного производства фермерского типа. В этом быстро убеждались воронежские крестьяне, принимавшие в начале XX в. участие в организованных земством поездках по местностям с преобладанием хуторских хозяйств¹⁸.

Правосознание воронежского крестьянства начала XX в. можно назвать переходным. Отступая под натиском рыночных капиталистических отношений, обычное право общинников подверглось сильной деформации и начало разрушаться. Для перехода же к гражданским правоотношениям требовался целый комплекс экономических, политических, социальных и культурных условий. Нигде и никогда такие условия быстро или легко не возникали. Поэтому социальное поведение крестьянства характеризовалось нарастающей нестабильностью. В его беспокойных очертаниях угадывались грозные масштабы надвигающейся революции.

¹⁷ Астырев Н. М. Указ. соч. С. 135–136.

¹⁸ См.: Отклики воронежских крестьян об экскурсиях на хутора и отруба (1909–1914 годы) // Источниковедение : поиски и находки. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 214–229.

Воронежский государственный университет

Карпачёв М. Д., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России

*E-mail: m-karpach@mail.ru
Тел.: 8(473) 224-75-14*

Voronezh State University

Karpachev M. D., Doctor of History Sciences, Professor, Head of the Russian History Department

*E-mail: m-karpach@mail.ru
Tel.: 8(473) 224-75-14*